

К ОБЛОЖКЕ ЖУРНАЛА

© А.Ю. КОРДОНСКИЙ, 2013

ЗОЛОТОЙ ПЛЕС

А.Ю. Кордонский

«Природу украшать не надо, но надо почувствовать ее суть и освободить от случайностей».

И.И. Левитан

«Уединенный город раскинулся по горам, по их скатам и долинам, полным садов, тополей, крутых извивных дорожек. На одной из гор, отделенной от города ключевой речкой, был погост, а на погосте, над самым обрывом, — деревянная часовенка, стемневшая от времени, непогоды, веявшая далекой стариной, ее горестными, страстными молениями. Великая тишина стояла над городом, только пароходные волны раскипались на грядках отточенных камней. Далеко впереди, прямо над Волгой, садилось солнце, и в хрупкотуманной бесконечности простора все светлели и расплывались, все возникали и исчезали какие-то, может быть только кажущиеся, легкие, розовые села...» — так описывает Плес Н.П. Смирнов в своей повести об Исааке Ильиче Левитане. И хотя к тому времени городку уже было больше пятиста лет, даже современные путешественники, посещающие Плес, с удивлением обнаружат, что многое с давних пор осталось неизменным. Можно подняться на холм с древней часовенкой, пройти по извитым улочкам вдоль ключевой речки, впадающей в Волгу и, конечно, посетить дом-музей в Заречной слободе, где «самый русский художник» провел самые плодотворные годы своей жизни.

Исаак Ильич Левитан родился 30 августа 1860 г. в небольшом литовском городке в образованной обедневшей еврейской семье. Несмотря на скудость средств, родители чутко отнеслись к склонности своих детей к искусству и не возражали, когда в 1870 г. старший сын, а через три года, и младший — Исаак — поступили в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Годы обучения в училище живописи стали для Исаака временем испытаний. В 1875 г. в семье Левитанов скоропостижно скончалась мать, два года спустя умер и отец. Детям пришлось вести почти нищенский образ жизни. По свидетельству М.В. Нестерова, лишь обращение к «нежно любимой природе» поддерживало молодого Левитана в то тяжелое время. Вскоре пейзаж «Осенний день. Сокольники» (1879 г.) был отмечен зрителями на ученической выставке и получил, пожалуй, высшую в то время оценку — пейзаж купил Павел Михайлович Третьяков, в дальнейшем приобретавший многие картины художника для своей коллекции. Уже в этой картине угадывается стиль будущего гения живописи.

Мастерство И.И. Левитана, умеющего отразить на полотне простой пейзаж как образ природы всей России, достигает своего расцвета после поездки на Волгу. Впрочем, первая поездка — в 1887 г. — Левитана не вдохновила. Он обиженно писал своему другу А.П. Чехову: «Чахлые кустики и, как лишаи, обрывы... Ждал я от Волги сильных художественных впечатлений, а вместо этого... серое небо, сильный ветер... Сейчас еще дождь пойдет... Этого еще не хватало...». Раздражение Левитана было связано с нервным состоянием художника: он был постоянно творчески неудовлетворен. В другом письме он писал: «Может ли быть что трагичнее, как чувствовать бесконечную красоту окружающего, подмечать сокровенную тайну и не уметь, сознавая свое бессилие, выразить эти большие ощущения». Свою тревогу и тоску Левитан воплотил в картине «Вечер на Волге» (1887—1888 гг.) (рис. 1). Сложное пространство этой картины, построенное на чередовании горизонтальных и диагональных мотивов, придает эмоциональному строю полотна драматическую напряженность. «Вечер на Волге» и еще несколько картин И.И. Левитана купил П.М. Третьяков. Левитан почувствовал себя почти богачом: отступила нужда, забота о завтрашнем дне.

Весной следующего года Левитан вместе со своими друзьями — художником-анималистом Алексеем Степановичем Степановым и талантливой ученицей Софьей Петровной Кувшинниковой — снова отправился на пароходе по Оке до Нижнего Новгорода и далее вверх по Волге.

Рис. 1. «Вечер на Волге», 1887—1888 гг.

Левитан был поражен «тихой волжской грустью, мирным запустением» маленького городка и решил прекратить свои странствования. По описанию биографа художника Н.П. Смирнова, при высадке на берег «купеческая и мещанская молодежь смотрела на художника и его спутников с жадным любопытством, старики волгари, рыбаки и перевозчики — с удивлением. Мальчишки, пересмеиваясь, дразнили, задорно и весело кричали: «Шарманщики приехали!»».

Уютный патриархальный городок, окрестные волжские просторы дали Левитану желанное душевное равновесие и многообразную натуру для творчества. Казалось, все вокруг вдохновляло художника: березовые рощи, часовня на косогоре, окруженная лесом мельница, крепкие избы среди осенних полей («Осень. Слободка», 1889 г. (рис.2)).

Исаак Ильич целыми днями бродил по окрестностям городка, таская за собой нелегкие принадлежности для рисования. Посмотреть на новоприбывших художников выходило много любопытных. Левитан быстро привык к наблюдателям, научился не замечать их дикого внимания, был поглощен своими творческими замыслами. Однажды к художнику подошла дряхлая старушка. Шурясь от солнца, она долго смотрела на рисующего Левитана, потом перекрестилась, порылась в своем мешочке, вынула копейку, осторожно положила ее в ящик с красками и по-

лелась дальше. За кого приняла она Левитана, о чем думала, когда подавала ему копейку, неизвестно, но Левитан был растроган и потом долго хранил эту копейку в качестве талисмана.

Постепенно в Плесе к Исааку Ильичу привыкли, у него даже завязались дружеские отношения с местными жителями. Он подружился с одной женщиной-старообрядкой, доведенной до крайности тяжелой семейной жизнью. От самоубийства ее удерживали какие-то последние привязанности к миру, которые окрепли после знакомства с художниками. Постепенно созрел план побега. Софья Петровна поджидала старообрядку в роще, а Левитан стерег их на пригорке, внимательно осматривая окрестности, чтобы не пропустить опасного соглядата. На этом месте художник и подсмотрел мотив картины «Вечер. Золотой Плес», 1889 г. (рис. 3).

Исаак Ильич покинул Плес перед заморозками. Он ехал в Москву с таким большим багажом, какого еще ни разу не привозил. Следующей ранней весной, в самую распутицу, Левитан со своей верной подругой были уже на старом месте.

Характерной картиной зрелой поры представляется «Тихая обитель» (1890 г.) (рис. 4). В этой картине так же, как и в последующих, живопись И.И. Левитана обрела несравненное качество — точность воспроизведения окружающего мира, воздушной среды и светотени. Четкость переданной освещенности придает живописи художественную полноту, способствует полнокровному воплощению переживаний художника.

Внутренний свет и блеск на произведениях художника, которые А.П. Чехов метко называл «улыбкой на картинах», не остались незамеченными и на художественных выставках.

О Левитане заговорили как о художнике, который понял и подметил подлинную русскую красоту. После «Тихой обители» во всех новых произведениях Исаака Ильича уже находили типичные черты национальной пейзажной живописи.

Рис. 2. «Осень. Слободка», 1889 г.

Рис. 3. «Вечер. Золотой Плес», 1889 г.

Рис. 4. «Тихая обитель», 1890 г.

си. После одной из выставок А.П. Чехов писал своей сестре: «Левитан празднует именины своей великолепной музы. Его картина производит фу-рор. Успех у Левитана не из обыкновенных».

Не только в пейзажах, но и в самой личности Левитана многие люди находили идеальный образец человеческих достоинств.

Известности И.И. Левитану прибавил любовный роман с его талантливой ученицей, Софьей Петровной Кувшинниковой. По воспоминаниям современников, Софья Кувшинникова «была женщина интересная с черными волосами и живыми темными глазами, с великолепной фигурой; она была известна всей Москве». Жила она на окраине столицы того времени — на «Кулижках» (район современного «Китай-города»). Возможно, одним из источников выражения «у чертей на куличках» послужило название этого района, который слыл за место беспокойное и небезопасное. Именно здесь находилась скромная квартира казенного врача Дмитрия Павловича Кувшинникова, с утра и до поздней ночи пропадавшего в полицейской части, куда «поминутно привозили пьяных, буйных, раненных ножом или избитых до потери сознания». Однако на его довольно скромный доход Софье Петровне удавалось устраивать вечера, где с особенным удовольствием принимались люди искусства. Тесные отношения между Левитаном и Софией Кувшинниковой стали очевидными во время поездок на Волгу. М.П. Чехов, менее известный писатель, чем его брат, описывает дружбу так: «Левитан уехал на Волгу и с ним вместе отправилась туда Софья Петровна. Она прожила на Волге целое лето и на другой год, все с тем же Левитаном, как его ученица. Среди наших друзей и знакомых уже стали определенно поговаривать о том, о чем следовало бы молчать. Стало казаться, что муж догадывался и молча переносил свои страдания. По-видимому, и Антон Павлович осуждал в душе Софью Петровну. В конце концов он не удержался и написал рассказ «Попрыгунья», в котором вывел всех перечисленных лиц». Левитан жестоко обиделся на Чехова и за себя, и за свою любовь. Дружба была разорвана, а примирение шло трудно и мучительно.

1894—1897 гг. стали для Левитана не только временем новых достижений, но и печальным, роковым жизненным рубежом. В 1896 г., после вторично перенесенного тифа, усилились симптомы и прежде дававшей о себе знать болезни сердца. По свидетельству М.В. Нестерова, «известный тогда врач профессор Остроумов не скрыл от Исаака Ильича опасности для его жизни. И потянулись дни, месяцы в постоянной тревоге, переходы от надежды к отчаянью». К этому времени относится создание наиболее масштабной картины драматического цикла — «Над вечным покоем» (1894 г.) (фрагмент на обложке). В письме к П.М. Третьякову Левитан признавался, что в этой картине он «весь, со всей своей психикой, со всем своим содержанием». Изобразив клочок земли с ветхой деревянной часовней и погостом

Рис. 5. «Озеро. Русь», 1900 г.

на фоне матово-свинцовых вод, над которым в небе клубятся тяжелые тучи, Левитан передает ощущение малости изображенного им островка времени перед лицом океана вечной и равнодушной к человеку природы. Более выразителен по выражению подобных чувств полный тоски эскиз «Над вечным покоем» 1893 г., задуманный еще в Плесе после посещения старообрядческой церкви. Многие поколения художников после Левитана считают своим долгом попробовать силы в изображении этого памятника древнего зодчества.

За несколько лет до смерти у Левитана произошла вспышка радостного мироощущения. В дневнике А.П. Чехова есть выразительная запись от июля 1897 г.: «У Левитана расширение аорты. Носит на груди глину. Превосходные этюды и страстная жажда жизни». В эти годы Левитан написал свои самые жизнеутверждающие полотна. Последняя, неоконченная картина «Озеро. Русь» (1900 г.) (рис. 5) наперекор смертельной болезни является едва ли не самым радостным произведением художника.

В начале марта 1897 г. в одном из писем А.П. Чехова появились строки: «Выслушивал Левитана. Дело плохо. Сердце у него не стучит, а дует. Вместо звука тук-тук слышится пф-тук...». И в другом письме: «Художник Левитан, по-видимому, скоро умрет, у него расширение аорты». Сам Левитан жалуется «Я то бодр, то лежу и тяжело дышу, как рыба без воды».

Что могло быть печальнее — иметь чудный дар передавать своею кистью самые неуловимые красоты природы и в самый расцвет таланта очутиться на грани жизни и смерти. Левитан это чувствовал и всем своим существом судорожно цеплялся за жизнь, а она быстро уходила.

Весной 1900 г. художник простудился на даче в Химках, куда ездил на этюды с учениками. Болезнь свалила его и не дала больше подняться. Среди консилиума врачей, пытавшихся спасти художника, был и А.П. Чехов, примирение с которым так и не состоялось. Примечательно, что Антон Павлович, как никто другой знавший Исаака Левитана, не оставил о нем никаких вос-

поминаний, конечно, не потому, что ему нечего было сказать о «дорогом Левиташе». Возможно, Антон Павлович считал, что никто не расскажет о Левитане лучше, чем его картины.

Художественная индивидуальность Исаака Ильича Левитана сделала его бессмертным. Память о нем как о тонком поэте-художнике будет жить в сердцах всех, кому дорого родное искусство. А Плес был и остается местом паломничества для желающих посмотреть на то «божественно нечто, разлитое во всем», которое великий художник донес через свои картины.

ЛИТЕРАТУРА

- К.Г. Паустовский. Исаак Левитан. Повесть о художнике / К.Г. Паустовский — М., 1937.

- И. Гинзбург. Исаак Левитан. / И. Гинзбург — Л.—М.: Искусство, 1937.
- М.В. Нестеров. Давние дни, воспоминания о Левитане. / М.В. Нестеров — Уфа, 1986.
- И.В. Евдокимов. Левитан. / И.В. Евдокимов. — М., 1959
- Т.Л. Щепкина-Куперник. Софья Петровна и Левитан. / Дни моей жизни. — Л., 1928
- Т.Л. Щепкина-Куперник. Старшие. / Ж. Вестник Европы — 1911, № 11.
- А.А. Фёдоров-Давыдов. И.И. Левитан. Жизнь и творчество./ А.А. Фёдоров-Давыдов. — М., 1960.
- А.А. Федоров-Давыдов. И.И. Левитан в письмах и воспоминаниях современников./ И.И. Левитан. Письма. Документы. Воспоминания. М.:Искусство.,1956., с.5
- Н.П. Смирнов. Золотой плёс. Повесть о Левитане. //Ж. Охотничьи просторы. — М., 1959.
- Н.С. Шер. Исаак Левитан. / Рассказ о русских художниках. — М., 1965.
- А.Н. Бенуа. История русской живописи в XIX в. / А.Н. Бенуа. — СПб., 1995.